

Тёма, успевший пробежать до половины дороги, останавливается, зажимает обеими руками рот, на мгновение замирает на месте, затем стремглав возвращается назад.

– А хочешь, я на Гнедке верхом поеду, как Еремей?! – мелькает в голове Тёмы новая идея, с которой он обращается к Зине.

– Ну да! Тебя Гнедко сбросит! – говорит пренебрежительно Зина.

Этого совершенно достаточно, чтоб у Тёмы явилось непреодолимое желание привести в исполнение свой план. Его сердце усиленно бьется и замирает от мысли, как поразятся все, когда увидят его верхом на Гнедке, и, выждав момент, он лихорадочно шепчет что-то Иоське. Они оба незаметно исчезают.

Препятствий нет.

В опустелой конюшне раздается ленивая громкая еда Гнедка. Тёма дрожащими руками торопливо отвязывает повод. Красивый жеребец Гнедко пренебрежительно обнюхивает маленькую фигурку и нехотя плетется за тянущим его изо всей силы Тёмой.

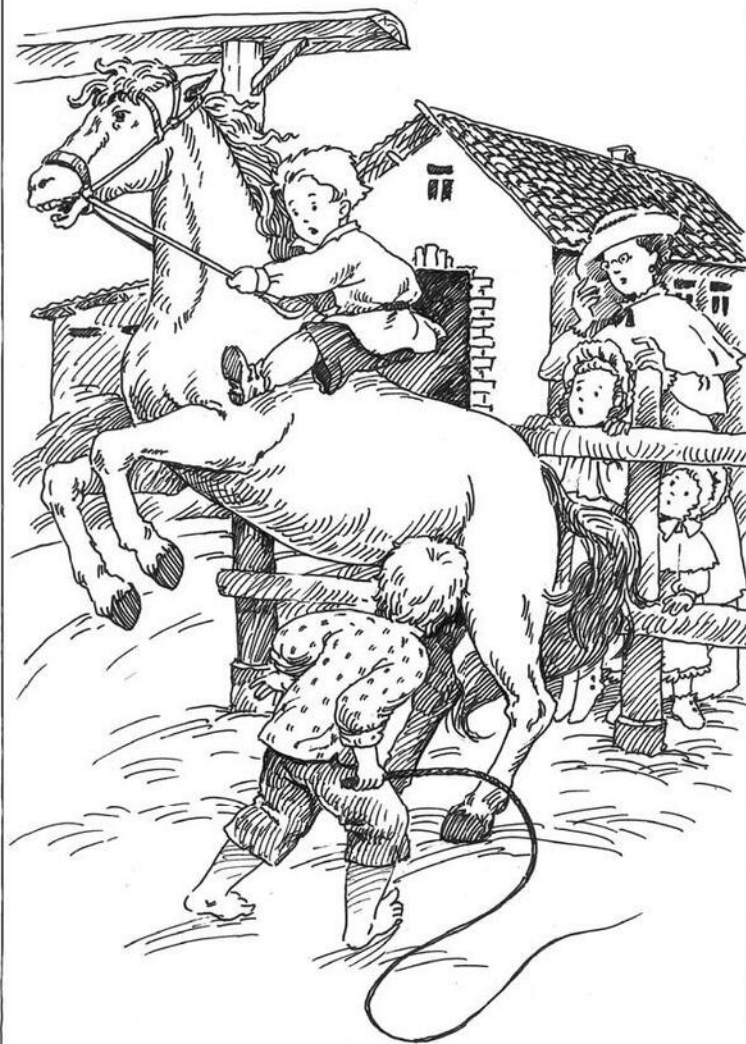
– Но, но, – возбужденно понукает его Тёма, стараясь губами делать, как Еремей, когда тот выводит лошадь. Но от этого звука лошадь пугается, фыркает, задирает голову и не хочет выходить из низких дверей конюшни.

– Иоська, подгони ее сзади! – кричит Тёма.

Иоська лезет между ног лошади, но в это время Тёма кричит ему:

– Возьми кнут!

Получив удар, Гнедко стрелой вылетает из конюшни и едва не вырывается из рук Тёмы.

Получив удар, Гнедко стрелой вылетает из конюшни и едва не вырывается из рук Тёмы.

полумрак. И поведешь его не через детскую, а прямо через девичью... И чтоб никого в это время не было, когда он будет идти. В девичьей тоже убавь свет.

– Слушаю-с.

Купание – всегда событие и всегда приятное. Но на этот раз в детской оживление слабое. Дети находятся под влиянием наказания брата, а главное – нет поджигателя обычного возбуждения, Тёмы. Дети идут как-то лениво, купание какое-то неудачное, поспешное, и через двадцать минут они, уже в белых чепчиках, гуськом возвращаются назад в детскую.

Под дыханием мягкой южной ночи мать Тёмы возбужденно ходит по комнате.

По свойству своей оптимистической природы она не хочет больше думать о настоящем: оно будет исправлено, ошибка не повторится, и довольно.

Чтобы развлечь себя, она вышла на террасу подышать свежим воздухом.

Она видит в окно возвращающееся из ванной шествие и останавливается.

Вот впереди идет Зина – требовательный к себе и другим, суровый, жгучий исполнитель воли. Девочка загадочно, непреклонно смотрит своими черными, как ночь юга, глазами и точно видит уже где-то далеко какой-то ей одной ведомый мир.

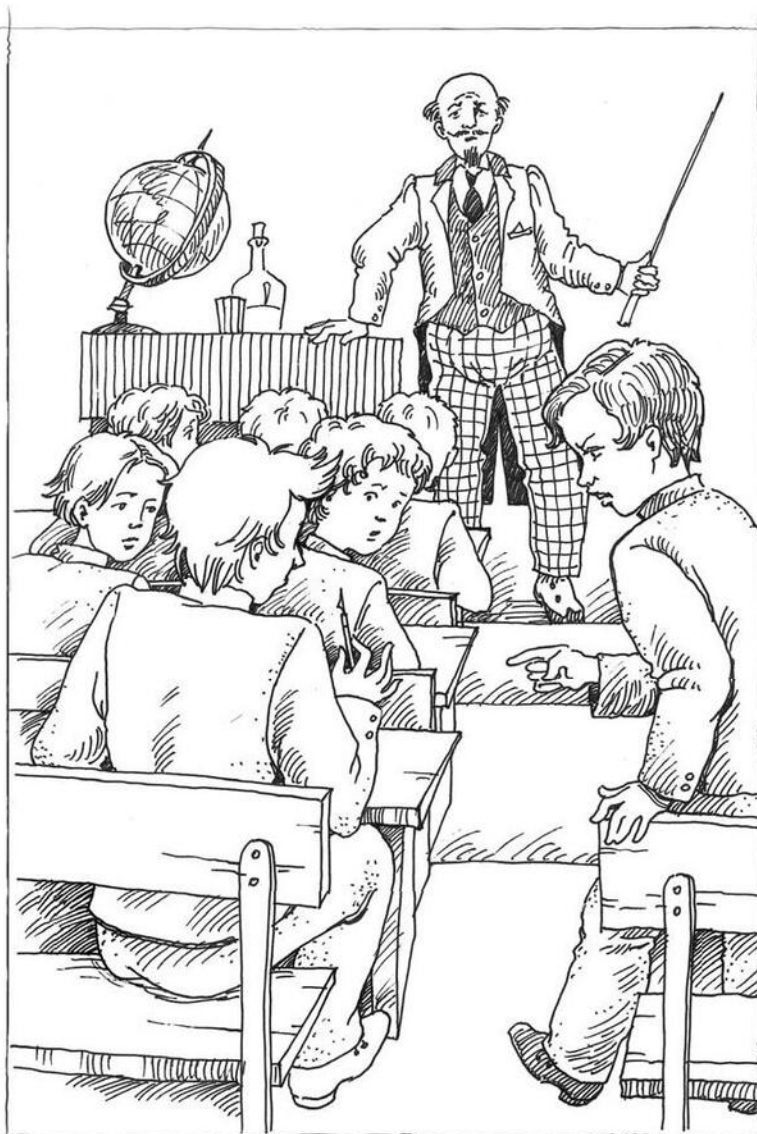
Вот тихая, сосредоточенная, болезненная Наташа смотрит своими вдумчивыми глазами, пытливо чует и отыскивая те тонкие, неуловимые звуки, которые, собранные терпеливо и нежно, чудно зазвучат со временем близким сладкою песнью любви и страданий.

Вот Маня – ясное майское утро, готовая всех согреть, осветить своими блестящими глазками.

Через двадцать минут дети, уже в белых чепчиках, гуськом возвращаются назад в детскую.

В ответ Вахнов, садясь на место, дернул за перо.
– Ты и теперь скажешь, что не ты.
– Теперь я со злости.
– Со злости? – огорченно переспросил учитель и покачал головой. – Вахнов, Вахнов...
Учитель глубоко вздохнул и задумался.
Вахнов начал пищать так, как пищат маленькие, еще слепые щенки.
– Ва-а-хнов! – уныло проговорил учитель.
– Я давно знаю, что я Вахнов.
– Ты знаешь... Ты много знаешь... У тебя хорошее сердце, Вахнов... Сердце лошади... иди жалуйся.
Борис Борисович закрыл глаза и опустил голову на руку. Он чувствовал какой-то особенный упадок сил.
– Иди жалуйся на меня, – повторил он снова, с трудом открывая глаза. – Иди скажи, что тебе надоел старый, больной Борис Борисович, у которого пять человек на плечах...
Вахнов опять задергал перо.
Учитель бессильно опустил голову.
– Да брось, – обратился к Вахнову Касицкий, – ведь болен же человек.
Но на Вахнова нашло. Он, спрятав голову под скамью, начал хрюкать.
Борис Борисович беспомощно оглянулся.
– Послушай ты, идиот! – вскочил Корнев, обращаясь к Вахнову. – Господа, да уймите же его! – обратился он к ближайшим товарищам Вахнова.
Серб Августич, сорвавшись с места, каким-то клубком подлетел к Вахнову и, как зверь, скаля зубы, с налитыми кровью глазами, прохрипел своим твердым наречием:
– Скотына! Убью!

– Господа, да уймите же его! – обратился Корнев к ближайшим товарищам Вахнова.

в сознании, что их проглотит кто угодно, но только не он. Он взял одну головку и попробовал на язык: какая гадость!

С водой разве?!

Тёма потянулся за графином и налил себе четверть стакана. Это много для одного глотка. Тёма встал, на цыпочках вышел в переднюю и, чтоб не делать шума, выплеснул часть воды на стену. Затем он вернулся назад и остановился в нерешительности. Несмотря на то, что он знал, что это шутка, его стало охватывать какое-то странное волнение. Он чувствовал, что в его решимости не глотать спичек стала показываться какая-то страшная брешь: почему и в самом деле не проглотить? В нем уж не было уверенности, что он не сделает этого. С ним что-то происходило, чего он ясно не сознавал. Он, если можно так сказать, перестал чувствовать себя, как будто был кто-то другой, а не он. Это наводило на него какой-то невыразимый ужас. Этот ужас все усиливался и толкал его. Рука автоматически протянулась к головкам и всыпала их в стакан. «Неужели я выпью?!» – думал он, поднимая дрожащей рукою стакан к побелевшим губам. Мысли вихрем завертелись в его голове. «Зачем? Разве я не виноват действительно? Я, конечно, виноват. Разве я хочу нанести такое горе людям, для которых так дорога моя жизнь? Боже сохрани! Я люблю их»...

– Артемий Николаевич, что вы делаете?! – закричала Таня не своим голосом.

У Тёмы мелькнула только одна мысль, чтобы Таня не успела вырвать стакан. Судорожным, мгновенным движением он опрокинул содержимое в рот... Он остановился с широко раскрытыми, безумными от ужаса глазами.

– Артемий Николаевич, что вы делаете?! – закричала Таня не своим голосом.

во всем и везде, который проникал во все фибры существования, – не мог оставаться в этом немом, неподвижном «чем-то». Он оторвался от этого, ушел куда-то, и вот-вот опять войдет, сядет, закурит свою трубку и, веселый, довольный, опять заговорит о походах, товарищах, сражениях...

Ярко горят и колеблются свечи, сверкает катафалк и вся длинная, нарядная процессия; жжет солнце, сквозь духоту и пыль мостовой пробивается аромат молодой весны, маня в поле, на мягкую, свежую мураву, говоря о всех радостях жизни, а из-под катафалка безмолвно и грозно несет дыхание смерти, безжизненно мотается голова, протяжно разносится погребальное пение, звучит и льется торжественный погребальный марш, то тоскливо надрывающий сердце, то напоминающий о том, что скоро скроется навсегда в тесной могиле дорогое и близкое сердцу, то примиряющий, говорящий о вечности, о смертном часе, неизбежном для каждого пришедшего на землю. А слезы льются, льются по лицу молодого Карташёва, жаль отца, жаль живущих, жаль жизни. Хочется ласки, любви – любить мать, людей, любить мир со всем его хорошим и дурным, хочется жизнью своею, как этим ясным, светлым днем, пронестись по земле и, совершив определенное, скрыться, исчезнуть, растаять в ясной лазури небес...

Оглавление

Предисловие от издательства	3
Неудачный день	5
Наказание	35
Прощение	38
Старый колодезь	50
Наемный двор	64
Поступление в гимназию	85
Будни	108
Иванов	144
Ябеда	150
В Америку	160
Экзамены	178
Отец	193